

УДК 902:003.072(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.02

В. Л. Янин

СЕВЕРНЫЕ ВЛАДЕНИЯ НОВГОРОДА В БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Аннотация. Неизданная статья В. Л. Янина, посвященная анализу берестяных грамот, содержащих северные топонимы или свидетельства о сборе дани в северных территориях. Основное внимание уделено анализу грамоты № 724, в которой описывается драматическая ситуация, возникшая во время сбора дани новгородцами в двинских землях.

Ключевые слова: средневековый Новгород, берестяные грамоты, усадьбы, сбор дани.

Abstract. Unpublished article by V. L. Yanin is devoted to the analysis of birch bark manuscripts containing northern toponyms or evidence of tribute collection in the northern territories. The main attention is paid to the analysis of the manuscript No. 724, which describes the dramatic situation during the collection of tribute by the Novgorodians in the Dvina lands.

Keywords: medieval Novgorod, birch bark manuscripts, medieval urban properties, the collection of tribute.

Сумма существующих сведений в традиционных письменных источниках явно недостаточна для реконструкции исторических этапов и деталей процесса эксплуатации Новгородом его северных владений. Поэтому особая надежда исследователей этой темы может быть возложена на постоянно увеличивающийся корпус берестяных грамот.

Берестяные документы Неревского раскопа (1951–1962 гг.) сохранили существенные сведения лишь позднего (в рамках бытования берестяного письма) периода – XIV–XV вв. Имеются в виду грамоты, связанные с карельскими данниками, должность которых, возможно, удерживалась боярскими семьями по наследству (Янин, 1965. С. 60–68). Весьма показательны то, что именно в комплексе переписки этих данников оказались и жалобы на «обиды» со стороны зарубежных карел, чинимые в пограничных областях, т. е. документы не фискального, а военно-политического характера (Арциховский, Борковский, 1963. С. 72–76. № 248, 249), в силу чего и функции карельских данников

представляются более сложными, нежели это следует из самого наименования их должности.

Ильинский раскоп на Торговой стороне (1962–1967 гг.) позволил выдвинуть предположения относительно подобной преемственности сборщиков заволоцкой дани, о сборе которой рассказано в одном из берестяных документов первой половины XIV в. (Арциховский, Янин, 1978. С. 22–24. № 417).

Важнейшие свидетельства, касающиеся более раннего времени, были получены на ныне действующем Троицком раскопе в Людином конце Софийской стороны (он был начат в 1973 г.). Свидетельствами летописи эта территория прочно связана с югорской данью: соседняя с раскапываемым участком церковь Троицы на Редятине улице (давшая название раскопу) была в 1365 г. построена «югорцами» (НЛ, 1879. С. 34, 236), т. е. новгородцами, постоянно связанными с югрой. В другой летописной версии говорится прямо, что церковь была заложена «югорщиной» (ПСРЛ, Т. 4. С. 291; Т. 16. Стб. 91), т. е. на добычу от югорского похода 1364 г., когда «той зиме приехаша Новгородци с Югре, дети боярьскыи молодыи, а воеводы: Александр Обакунович, Степан Ляпа, воевавшие Обу реку до моря, а другая половина рати на верхь Оби воеваша; и Двиняни сташа противу их полком, и избила Двинян на Курей» (ПСРЛ, Т. 4. С. 291; Т. 16. Стб. 90–91). Давность югорских связей комплекса усадеб Троицкого раскопа подтвердилась, во-первых, серией археологических находок, отражающих такую связь, а во-вторых, прямыми свидетельствами берестяных грамот как раннего (XII в.), так и позднего (XIV в.) времени.

Из находок XII в. следует, прежде всего, отметить бронзовую фигурку языческого божка (Янин, Колчин, Хорошев, 1976. С. 49), которая первоначально была трактована как завезенное в Новгород пермское изделие (Алешковский, 1980. С. 284–287), однако после замечательных открытий Л. Н. Хлобыстина в святилище у мыса Сиирти-сале на о-ве Вайгач, где подобные фигурки находились в комплексе единого происхождения с нагрудной бронзовой иконой, изображающей Нерукотворенного Спаса (Хлобыстин, 1987. С. 40–42), стало очевидным, что это изготовленная в Новгороде и предназначенная для югорских и пермских земель вещь. Из других обнаруженных на Троицком раскопе предметов второй половины XII в. замечательны деревянная скульптура – голова мужчины с утрированными чертами представителя одного из северных народов (ненца или югорца) (Янин и др., 1987. С. 46) и плоский кусок сланца с процарапанными на нем изображениями моржей.

Что касается берестяных грамот Троицкого раскопа, то в документах рубежа XII–XIII вв. фигурирует ряд жителей раскапываемого участка, которые были участниками известного югорского конфликта 1193–1194 гг. В 1194 г. во время трагического для новгородцев похода воеводы Ядрея на Югру (т. е. в область хантов и манси в низовьях Оби, в северном Зауралье), когда восемьдесят уцелевших участников кампании

возвращалась в Новгород, «убиша Сбышку Волосовица и Негочевица Завида и Моислава Поповица сами путьники, а друзии кунами ся откупиша; творяхуть бо я съвет държаще на свою братью, а то богови судити» (НПЛ. С. 41)¹. Новгородца Моислава упоминает в связи с тем же маршрутом в XIV в. архиепископ Василий в своем «Послании о земном рае»: «А то место святаго рая находил Моислав новгородець и сын его Яков, и всех было их три юмы, а одина из них погибла, много блудив, а две их потом долго носило море ветром, и принесло их к высоким горам... А тех, брате, мужей и нынеча дети и внучата добры здорови» (ПЛДР, 1981. С. 46, 48).

Между тем на Троицком раскопе в слое рубежа XII–XIII вв. найдена грамота, адресованная Моиславу; она происходит с поповской усадьбы, что подтверждает идентификацию адресата с летописным персонажем (Янин, Зализняк, 1986. С. 18–20. № 548). Сбыслав упомянут в грамоте второй половины XII в. (Янин, Зализняк, 1986. С. 23–24. № 550)², а Волос – в берестяном документе середины XII в. (Янин, Зализняк, 1986. С. 67–68. № 604). Завид – адресат грамоты № 665, найденной в слоях второй половины XII в. Не идентифицируется ли с его отцом Нежко грамоты № 683, извлеченной из напластований того же времени?

Расправе с перечисленными новгородцами предшествовала драма в самой Югорской земле, когда югрою было убито около сотни новгородцев, а затем по навету Савки казнен Яков Прокшинич (НПЛ. С. 232–233). А. А. Зализняк высказал аргументированное предположение, что адресат найденных на Троицком раскопе грамот № 627 и 705 идентифицируется с летописным Яковом Прокшиничем, хотя в этих документах он и не назван по отчеству. Прокше адресована грамота № 664, найденная в слоях второй половины XII в., т. е. в хронологическом уровне, вполне соответствующем этому предположению: Яков грамот № 627 и 705 в самом деле мог быть сыном Прокши грамоты № 664. Следует добавить, что Савка был соседом Якова; он жил на входящей в участок Троицкого раскопа Ярышевой улице, где в 1194 г., сгорел его двор (НПЛ. С. 233).

Связи комплекса троицких усадеб с областями новгородского крайнего Севера продолжают и в XIV в. Грамота № 589, происходящая из слоев второй четверти XIV в., содержит письмо Жилы к Чюдину и начало письма Жилы к Саве. Между тем Жила известен как предводитель ватаги печерских сокольников, в которую, как это видно из ее перечисления, входил и некий Савица (ГВНП. С. 142. № 84). Наконец, из слоев середины XIV в. была извлечена грамота № 622, касающаяся

¹ В комиссионном списке Новгородской I летописи после слов «съвет державыше» добавлено: «с Югрою» (НПЛ. С. 234).

² По-видимому, он же назван в берестяной грамоте № 671 (еще не изданной). См.: Янин, Зализняк, 1993. С. 60. № 671.

конфликтных взаимоотношений компаньонов-складников, возникших из-за «непряного серебра», т. е. раздела доходов от продажи нерп, иными словами – от эксплуатации северных промыслов.

Как и в комплексе грамот Неревского раскопа, здесь, на Троицком раскопе, очевидна преемственность связи определенной городской территории с определенным районом колонизации дальних новгородских владений.

Один из наиболее значительных документов рассматриваемой темы был найден в 1990 г. при раскопках на участке, входящем в зону древней Прусской улицы Загородского конца Софийской стороны (руководитель раскопок Б. Д. Ершевский). Речь идет о грамоте № 724, найденной в напластованиях второй половины XII в., содержащей текст из 13 строк на одной стороне и 4 строк на другой. Документ написан мельчайшим почерком, сильно потерт и смог быть прочитан главным образом благодаря героическим усилиям А. А. Зализняка (даю этот текст в облегченной транскрипции):

«От Савы покланянее къ братьи и дружине. Оставили мя были людье. А остать дани исправити было имь д(о) осени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ Захарья, въ вере урокль: не дайте Саве ни одного песця хотя на нихъ емати, самъ въ томь. А въ томь есмь осталь. По томь пришли смерди, от Аньдрея мужь прияли; и дане от(ъ)яли людье. И осьмь высягла что о Тудоре. Поразумейте, братье, ему, да че что въ то ему състане тягота тамъ и съ дружиною егъ.

А селечаномъ сво(и)мъ кънязь самъ отъ Волоку (и) отъ Мъсте участоке водале. Аче ли ти, братье, вины людье на мя не ищуть. А доведока буде, то же нынеца радъ быхъ послале грамоту».

Упоминание песцов служит указанием на местонахождение автора письма Савы. Песцы (иначе – полярные лисицы), будучи представителями фауны Арктики и Субарктики, обитают в полярных материковых тундрах. Сава находится где-то на севере новгородских владений для получения дани с тамошних жителей. Упоминание в заключительной части письма Волока заставляет вспомнить, что центральным пунктом поступления заволоцкой дани была Онега, о которой говорится в уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г.: «Того дея уставил есмь святой Софьи, ать емлет пискуп за десятину от вир и продаж 100 гривен новых кун, иже выдаеть домажиричь из Онега. Аче не будеть полна ста у домажирича, а осьмьдесят выдасть, а дополнокъ възметь 20 гривен у князя ис клети» (Княж. уставы. С. 148). Логичным представляется видеть в Саве именно онежского домажирича: он не возглавляет подвижный отряд сборщиков, а пребывает в каком-то постоянном месте, куда «по первому пути» «люди» должны послать собранную «до осени» дань, а затем отбыть прочь. Между тем «люди» оставили Саву. Вряд ли фразу «Оставили мя были людье» следует понимать, как сообщение о бегстве от Савы его помощников. Глагол «оставити» имеет много значений, в том числе: отказаться, отречься, отступиться,

отложиться и т. п. Речь, надо полагать, идет об отказе местных «людей» выплатить обусловленный остаток дани, который именно местным старейшинам надлежало собрать «до осени». Уместно напомнить «льстивые речи» югорских князьков в 1194 г.: «сбираем серебро, и соболе, и иная узорочиа, а вы не губите нас, своих смердов и свои дани» (НПЛ. С. 40–41, 232–233). Поводом для отказа от уплаты дани послужило некое распоряжение Захарьи, который клятвенно сообщил («в вере урокл»): «Не позволяйте Саве хотя бы одного песца брать, сам этим займусь». Однако о таком распоряжении не был извещен своевременно ни сам Сава, ни его адресаты («братья и дружина» в Новгороде); на территории же, подведомственной Саве, Захарья лично не был. «А в том есмь остал» – с тем я и остался, – пишет Сава.

Дело на этом не кончилось. Затем пришли смерды (т. е. плательщики дани, как это следует из летописной терминологии 1194 г.), приняли мужа от Андрея, и «люди» (т. е. сборщики дани Андреева мужа) брали дани в его пользу. Восемь человек, предводительствуемые Тудором («что о Тудоре») «высягла», выскочили, сумела уйти. «Подумайте, братие, как ему будет трудно с дружиной там, где он теперь оказался». Не лишним будет указать, что в грамоте Святослава Ольговича 1137 г. дважды фигурирует Тудор: «на Тудорове погосте два сорочька», «у Тудора сорочек» (Княж. уставы. С. 148).

Текст оборотной стороны письма вносит определенную ясность в статус не подчинившихся Саве плательщиков дани. Сава напоминает: «А сельчаном своим князь сам дал участки от Волока и от Мсты». Иными словами, речь идет о княжеских поселенцах, колонизирующих северные владения Новгорода, а не об аборигенном населении тамошних мест. Термин «сельчанин» неоднократно фигурирует в источниках в связи с их княжеской принадлежностью, например: «А в город послати ми своих наместников, а тебе своего наместника, ине очистят и холопов и сельчан по отца моего животе по князя по великого» (ДДГ. С. 32. № 11). «Имати им тамга и церковная пошлина и пятно с великого князя сельчан и с великие княгини сельчан» (ААЭ. № 230).

«Пусть же, братие, вины на мне не ищут, – пишет далее Сава. – Если же будет расследование («доведка»), то хоть сегодня рад бы послать объяснительную грамоту».

Описанная в письме Савы ситуация типична для середины XII в. – начала XIII в., когда северные дани были предметом спора между Новгородом и Суздалем. В 1149 г. новгородские данники отправились в поход «в мале»; узнав об их малочисленности, князь Юрий Владимирович Долгорукий отправил против них князя Берладского с воинами. В 1169 г., когда Даньслав Лазутинич с новгородской дружиной пошел за Волок данником, «присла Андреи пълк свои на нь, и бишася с ними, и беше новгородьць 400, а суждальць 7000; и пособи бог новгородцем, и паде их 300 и 1000, а новгородьць 15 муж; и отступиша новгородьци, в опять воротивъшеся, възяша всю дань, а на суждальских смердах дру-

гую», что, как известно, послужило прелюдией к знаменитой битве новгородцев с суздальцами в 1170 г. В 1219 г. «пойде тоя зимы Сьмьюн Емин в 4-х стех на Тоимокары, и не пусти их Гюрги, ни Ярослав сквозе свою землю» (НПЛ. С. 28, 33, 59, 215, 221, 260). В перечисленных случаях летопись освещает столкновения из-за даней в дальних – печерских и югорских – землях, куда высылались специальные отряды сборщиков дани. Грамота № 724 повествует о сходном конфликте в ближних землях, где на Двине и Ваге новгородские и ростово-суздальские владения располагались чересполосно.

Рассматривая грамоту № 724 как свидетельство одного из эпизодов новгородско-суздальского конфликта из-за северных даней, мы под «мужем Андрея» можем понимать только сборщика дани в пользу суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского, убитого в 1174 г. Если документ датируется временем ранее 1174 г., то имеется возможность идентифицировать и упомянутого в письме Савы Захарью, который, как мы видели, обладает правом распоряжаться данями и данниками. Так звали новгородского посадника, избранного в 1161 г. и убитого в 1167 г. (НПЛ. С. 21–32, 218–220), что позволяет датировать грамоту № 724 60-ми гг. XII в.

В этой связи небезынтересным оказывается место находки грамоты № 724, посланной Савой своей братье и дружине. Адресаты письма жили на Прусской улице. Между тем расправа с посадником Захарьей в 1167 г. принесла посадничество прусскому боярину Якуну, тогда как Захарья потерял жизнь, поддержав изгоняемого князя Святослава Ростиславича, вступившего в политический союз с Андреем Боголюбским. Письмо Савы, направленное и против Захарьи, и против князя Андрея, обнаружено именно там, где в Новгороде пребывали их главные политические противники³.

Литература и источники

ААЭ – Акты Археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836.

Алешковский П. М. Языческий амулет-привеска из Новгорода // Советская археология. 1980. № 4.

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Княж. уставы – Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

НЛ – Новгородские летописи. СПб., 1879.

³ См. публикацию грамоты и комментарий: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. С. 22–25. № 724.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПЛДР – Памятники литературы древней Руси. XIV – середина XV в. М., 1981.

ПСРЛ. Т. 16 – Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.

ПСРЛ. Т. 4 – Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. Изд. 2-е. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915.

Хлобыстин Л. П. Работы в Архангельском Заполярье // Археологические открытия. 1985. М., 1987.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция // Археологические открытия. 1975. М., 1976.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н. Новгородская экспедиция // Археологические открытия. 1985. М., 1987.